

ГНОСЕОЛОГИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИТЕРИИ ЕЕ ВЫБОРА

К. В. Скоблик

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
6 февраля 2017 г.

Дата принятия к печати
2 марта 2017 г.

Дата онлайн-размещения
31 мая 2017 г.

Ключевые слова

Гносеология российского уголовного процесса; критерии выбора; философское заимствование; установление обстоятельств; научное познание; диалектика

Аннотация

В статье на основе рассуждений о гносеологии российского уголовного процесса исследуются ее предпосылки и критерии выбора, затрагивается вопрос о самой возможности философского заимствования в целях совершенствования уголовно-процессуальной деятельности и его границах, который имеет различные решения в доктрине. При разделении тезиса «познание равно доказывание» автором подчеркивается важность определения того, к какому познанию приближается доказывание, поскольку это влияет на выбор положений, с полным или частичным использованием которых будет понято и реформировано отечественное уголовное судопроизводство. В статье сформулированы два критерия выбора гносеологии российского уголовного процесса: методологичность и нацеленность уголовно-процессуального доказывания на установление обстоятельств ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. С учетом этих критериев выбирается диалектическая теория познания. Описываются положительные следствия от ее использования. В ходе работы применялись исторический метод, регрессивный метод И. Канта, метод толкования норм права, дедуктивное и индуктивное умозаключение, доказательство от противного, аналогия, контекстуальные определения, междисциплинарный метод.

GNOSEOLOGY OF THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE AND CRITERIA OF ITS CHOICE

Konstantin V. Skoblik

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Article info

Received
February 6, 2017

Accepted
March 2, 2017

Available online
May 31, 2017

Keywords

Russian criminal procedure gnoseology; criteria of choice; philosophical adoption; establishing the circumstances of the criminal case; scientific cognition; dialectics

Abstract

The author reflects upon the gnoseology of the Russian criminal procedure and explores its preconditions and criteria of choice, raises the question of the very possibility of philosophical adoption, done with the aim of improving the criminal justice system, and its boundaries. This problem has different solutions within this doctrine. The author believes that «cognition is proving» and notices it is important to identify what cognition the criminal procedure proving is closer to, since it influences the choice of propositions that shall partially or fully be used for understanding and reforming the domestic criminal procedure. Two criteria of choice of the Russian criminal procedure gnoseology are stated in this article. They are methodologicalness and the orientation of the criminal procedure proving towards determination of circumstances of the criminal case. The positive consequences of the dialectical gnoseology use are described in this research paper. The historical method, Kant's regressive method, the method of interpretation of law propositions, a deductive and inductive reasoning, argumentum ex contrario, an analogy, contextual definitions, an interdisciplinary approach (the criminal procedure, philosophy of science, theory of cognition, decision theory) are applied in the current research.

Моделируя деятельность, создавая проект, на основе которого может реформироваться уголовно-процессуальное право и практика его применения, процессуалисты зачастую выходят за пределы области их знания¹. Это неизбежно, когда рассуждение касается места познания в доказывании, методах, правилах, способах ведения познавательной (доказательственной) деятельности. Принимая тезис о тождественности на уровне существенных признаков понятий познания и уголовно-процессуального доказывания, полагаем, что при имеющемся количестве разработанных, разрабатываемых и только нарождающихся гносеологий смело звучит утверждение А. А. Брестера: «на данный момент аргументов против того, что уголовно-процессуальное доказывание строится на достижениях гносеологии, в частности разработанном диалектическом методе познания, и формальной логики, мы не нашли» [3, с. 66]. Однако не опровержение тезиса о построении доказывания на гносеологических достижениях не ведет к его истинности. Процессуалисту следовало бы, насколько позволяют объемы научного исследования, во-первых, высказаться относительно самой возможности философского заимствования и его границ, поскольку в основе обращения к философии как минимум лежит допущение, что подобное обращение возможно; во-вторых, определить критерии выбора гносеологии российского уголовного процесса; в-третьих, рассмотреть, исходя из выбранных критериев, альтернативные теории познания, показав сложность их использования в уголовно-процессуальном доказывании, и затем отрицающе-утверждающим методом прийти к диалектической гносеологии, если это будет возможно. В данной работе реализуется предложенная программа исследования.

Итак, во многих теоретических исследованиях процессуалистами при определении понятий уголовно-процессуальной науки используются философские категории².

¹ Например, активно в последнее время переносятся А. С. Александровым и его учениками одновременно положения философии Августина Блаженного, Л. Витгенштейна, материализма, идеализма, прагматизма, экзистенциализма, феноменологии, философской герменевтики, постструктурализма, постмодернизма, методологического анархизма на уголовно-процессуальную деятельность [1; 2].

² Напомним лишь некоторых процессуалистов, обращавшихся в своих работах к философии: А. В. Агутин, А. С. Александров, В. С. Балакшин, А. С. Барабаш, А. А. Брестер, В. М. Бозров, Л. Е. Владимиров, Л. В. Головкин, В. Н. Григорьев, С. В. Корнакова, О. В. Левченко, Д. А. Мезинов, М. К. Свиридов, М. С. Строгович, И. Я. Фойницкий и др.

По этому поводу Ю. К. Якимович замечал: «Бедой современной науки уголовного процесса в том числе является то, что ученые-процессуалисты все более вторгаются в сферу философии, в которой познания у них не столь велики, чтобы делать серьезные умозаключения применительно к уголовному процессу. Отсюда и получается, что сложнейшие философские категории (а ведь и сами философы трактуют их неоднозначно) применяются к понятиям уголовно-процессуальным, которые чаще всего, как и сама наука уголовного процесса, носят прикладной характер и достаточно условны» [4, с. 12]. Такое замечание нельзя не учитывать. Действительно, профессиональный философ, обсуждая тот или иной вопрос, читая книгу, может заметить противоречий между используемыми понятиями, смысловыми оттенками и деталями гораздо больше, чем подметит юрист. С. Б. Россинский, рассуждая о невозможности резкого отхода «теории уголовно-процессуального познания и доказывания от постулатов диалектического материализма» и предлагая компромиссный подход, состоящий в том, что «...существующие в теории доказывания постулаты вполне могут получить новый виток своего развития в контексте заимствования ряда положений и взглядов из области других, в том числе современных, философских школ и течений» [5, с. 15], заключает, что для диалектического метода познания характерно несколько базовых положений, касающихся:

- первичности материи и вторичности сознания;
  - возможности познания человеком объективного мира;
  - объективной, относительной и абсолютной истины;
  - ступеней познания;
  - роли общественно-исторической практики в познании и т. д. [Там же].
- Перечисленные положения при этом берутся автором из работы В. Я. Дорохова «Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств» [6, с. 36].

Если же внимательно посмотреть на базовые положения диалектического метода, то обнаружится смешение понятий диалектического метода познания и того же метода, но разработанного в лоне материалистической философии. С. Б. Россинский, описывая указанный метод познания, раскрывает его исходя из материалистической основы, когда с помощью этого метода выстраивались как идеалистические (идеализм

Г. В. Ф. Гегеля), так и материалистические философские системы (материализм Ф. Энгельса, К. Маркса), т. е. характеристики самого диалектического метода³ без привязки к той или иной философии автором не дается. Отсутствие подобного в свою очередь ведет к непониманию того, какую именно основу уголовно-процессуального познания С. Б. Россинский предлагает совершенствовать и обновлять (диалектическую или диалектико-материалистическую), от чего отказываться, а что перенимать. Более удачным оказался опыт Г. А. Печникова, А. П. Блинкова, И. В. Казначая, которые в своей совместной статье последовательно раскрыли содержание материалистической диалектики и показали ее значимость именно как истинно научного метода познания и объективной истины [8, с. 115].

Вместе с тем подобного нельзя сказать об отдельной статье Г. А. Печникова, утверждающего ограниченность логики формальной и примат над ней логики диалектической: «Ее (формальной логики. — Прим. К. С.) основу составляет закон тождества "A = A". Однако в своей сущности окружающий нас мир устроен не элементарно "формально-логически" — устроен он диалектически. Поэтому подлинным, всеобщим и универсальным законом мышления может выступать только материалистическая диалектика как теория и логика познания» [9, с. 143]. Затем эти положения связываются автором с построением российского уголовного процесса на состязательной основе: «Все в пределах, рамках состязательности, и ничего сверх состязательности. Но ведь это тавтология, подход с позиции формально-логического закона тождества "A = A"... Возьмем известные суждения: "Иван есть Иван", "Жучка есть Жучка", «роза есть роза» и т. п.» В таком же формально-логическом ключе работает и законодатель в состязательном Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (УПК РФ): «обвинение есть обвинение», «сторона обвинения должна подтвердить обвинение (обвинительный тезис), чтобы выиграть дело», «победитель

есть победитель», «побежденный есть побежденный» [9, с. 145]. При разделении негативной в этой части оценки УПК РФ и солидаризации с необходимостью использования в уголовно-процессуальном доказывании диалектической логики, стоит не согласиться с отрицательным отношением к роли логики формальной и ее законов в познании обстоятельств совершенного в прошлом преступления. Сфера формальной логики — «...логическая форма высказывания, (т. е. мыслимый. — Прим. К. С.) способ связи его составных частей» [10, с. 8].

Если же полагать как Г. А. Печников, что в состязательном построении российского уголовного процесса обнаруживается «подход с позиции формально-логического закона тождества "A = A"», то он из закона мысли становится уже законом действительности, т. е. выходит из границ, очерченных логикой формальной. Помимо этого, разбираемое требование не противоречит положениям диалектической логики, поскольку закон тождества не указывает, каким именно является предмет мысли. Он может быть любым: существующим или воображаемым, относительно устойчивым или изменчивым [Там же, с. 16]. Следовательно, при четком определении сферы формальной логики и ее законов нельзя судить в противоречие Г. А. Печникову о законе тождества как о прокрустовом ложе «диалектического» мира и подходе, обнаруживаемом в попытках построения российского уголовного процесса на несвойственной для него состязательной основе.

Другой процессуалист А. А. Кухта, защищая состязательность, пишет, что уголовно-процессуальное доказывание — такой же познавательный процесс, как любой другой. Он утверждает, что логическая модель познания как инструмента реконструкции оспариваемых, имевших место в прошлом событий, «укоренена в рациональной, индуктивистской традиции, заложенной Ф. Бэконом, Д. Локком, Д. Юмом» [11, с. 130]. Вместе с тем синонимичное перечисление «рациональной, индуктивистской традиции» недостаточно корректно, поскольку рационализм на фоне эмпиризма и индукции не есть их апологет, а связывается с дедукцией и, например, Р. Декартом. Поэтому автору необходимо было подчеркнуть отношение рационализма к индуктивистской традиции, однако в смысле его противопоставления иррационализму. Тем более, что сам ученый на это намекает: «Рационализм — главная отличительная черта познания, происходяще-

³ В связи со сказанным интересны слова Я. А. Бермана, критически проанализировавшего диалектику Г. В. Ф. Гегеля, Ф. Энгельса, К. Маркса, И. Дицгена и утверждавшего: «Не выдерживают научной критики только пресловутые диалектические схемы, но нам, кажется, удалось показать, что не в них заключается сущность диалектического метода (а в законе всеобщего развития. — Прим. К. С.), понимаемого в том виде, какой придан ему новейшим научным исследованием в области физических и биологических наук» [7, с. 236].

го по уголовным делам. Эмоции, психология имеют место в процессе, и пренебрегать ими было бы опасно, но строить свои выводы, систему доказательств любой разумный судебный деятель будет, исходя из «рациональной основы» [11, с. 129].

Также вызывает вопросы тезис об укоренении логической модели познания в индуктивизме, так как в нем в не меньшей мере используется и дедукция, представляющая вторую основную методологическую стратегию.

Полагаем, анализ перечисленных теорий показал сложность философского заимствования, но тем не менее встречающиеся трудности не должны заставить отказаться от него. Появление подобной установки в сознании исследователя может привести к закрытию путей для дедуктивного и индуктивного обогащения различных областей знания. В частности, уголовно-процессуальная наука развивается, вводя в систему своих понятий философские категории, позволяющие отразить ту или иную проблему, предложить путь ее решения. Философия же обогащается индуктивно через анализ того, какое преломление в конкретной области знания получают ее понятия, пригодны ли они для использования.

Сказанное позволяет сделать заключение о необходимости заимствования. Однако при этом встает вопрос об организации процесса заимствования с целью исключения механического внедрения взаимопротиворечивых философских положений в понятийное поле уголовно-процессуальной науки. Подспорьем здесь могут выступить идеи междисциплинарных исследований, высказываемые философами науки. Так, В. С. Степин утверждает, что специфику современной науки конца XX в. определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания [12, с. 240]. Однако сказанное является необходимым, но недостаточным условием качественного анализа, так как философия достаточно абстрактна и потому следует очерчивать границы философского заимствования в каждом уголовно-процессуальном исследовании, в том числе и при изучении теорий познания.

А. С. Барабаш отмечает, что уголовный процесс как наука должен описывать технологию мышления и деятельности в сфере расследования и судебного рассмотрения уголовных дел [13, с. 41]. С учетом этого факта не все положения теорий познания могут быть взяты для конструирования моде-

ли эффективной уголовно-процессуальной деятельности, что обусловлено самим их строением, включающим суждения о сущем и должном. Г. Риккерт, критикуя теории познания, имеющие в себе долженствование, писал, что такое рассмотрение недопустимым образом «передвигает центр тяжести теории познания как науки», оно делает из нее «нормативную дисциплину» или даже «техническое учение о мышлении», а этого теория познания должна остерегаться [14, с. 56–57]. Для настоящего исследования, исходя из необходимости описания технологии «мышления и деятельности в сфере расследования и судебного рассмотрения уголовных дел», интерес представляют как раз теории познания, предлагающие конкретные техники ведения познавательной деятельности, т. е. имеющие в своем составе не только суждения о сущем (что есть познание), но и суждения о должном (как познавать).

Таким образом, объектом внимания в работе являются суждения о должном, при этом иные положения теорий познания о сущем также важны, поскольку они выступают основой техник ведения познавательной деятельности и вместе составляют систему, подобно тому, как тот или иной метод познания (например, диалектический или метафизический) появился не сам по себе, а вызрел в рамках определенной теории, включающей не только собственно суждения, описывающие метод, но и иные положения, быть может предпосылочного или аксиоматического характера, позволившие его сконструировать.

Все сказанное очертило границы философского заимствования в рамках данного исследования и определило первый критерий выбора гносеологии для использования ее в области уголовного процесса: наличие разработанных правил и техник ведения познавательной деятельности, т. е. «методологичность» гносеологии⁴.

Второй критерий связан с абстрактностью теорий познания. Обычно в них отражаются вопросы о роли понятий, мышления, об отношении акта мышления к познаваемому и т. д.

⁴ Важно отметить, что выделение подобного «методологического» подхода основано на четком разграничении категорий сущего и должного, что, однако, не является новым для юридической науки. Г. А. Гаджиев указывает: «Для Кельзена принципиально важно подчеркнуть различие между понятиями “сущий” и “должный”... Исходя из идеи Канта, Кельзен полагал, что следует различать практический разум и теоретический разум... Науки, основанные на практическом разуме, а это прежде всего юриспруденция, имеют дело со сферой “должного”» [15, с. 221].

Положения подобного рода сложно вплести в уголовно-процессуальную деятельность, а потому необходимо уточнение.

Ранее в работе утверждалось, что уголовно-процессуальное доказывание — это познание. Такой вывод, безусловно, позволяет перекинуть мост к использованию в уголовном процессе положений гносеологии, но в рамках методологического подхода он недостаточен, необходим переход от общего к особенному, от понятия к областям его применения, а также указание на то, к какой из них тяготеет более всего уголовно-процессуальное доказывание. Неуказание на это ведет, например, к непониманию оснований внедрения инструментария научного познания в область практической юриспруденции. Так, Ю. П. Боруленков, разрабатывая методологию юридического познания, писал о необходимости исходить из понятия методологии как системы принципов и способов организации и построения деятельности, учитывающей тенденции дифференциации и интеграции научного знания [16, с. 6]. При этом аргументов для опоры именно на научное знание им не приводится.

Кроме того, отсутствие уточнения об области применения понятия дает возможность неограниченного исследовательского усмотрения и может привести к выводам об использовании в уголовно-процессуальном доказывании методов этического, эстетического и религиозного познания [17, с. 29], ведь только научным познанием и его методами оно не ограничивается. Относительно научного познания А. Г. Спиркин предостерегающе замечал, что в современное время нетрудно впасть в ошибку, отождествляя познание вообще с познанием только научным (или даже с тем, что принято считать научным) [18, с. 397]. Однако можно предположить, что познание в российском уголовном процессе максимально приближено к научному⁵, но нетождественно ему. По этому поводу И. Я. Фойницкий писал, что историческая истина вообще и судебная в частности достигаются при помощи тех же

⁵ В контексте бескомпромиссного нападения на составительные методы о научном характере уголовного судопроизводства писал и итальянский криминолог середины XIX — начала XX в. Э. Ферри: «Вместо этих сражений профессий, манипуляций, декламаций и юридических механизмов, которые делают каждое уголовное судебное разбирательство игрой случая... видом паучей паутины, которая ловит мух, но позволяет осам бежать, уголовный процесс должен быть “научным расследованием” проводимым судьей хорошо знакомым с биологией, психологией, психопатологией для того, чтобы определить к какому антропологическому классу подсудимый принадлежит» [19, с. 61].

приемов и способов, как и научная истина, она столь же реальна, отличаясь от последней лишь тем, что содержит не общие законы, а признаки и явления отдельных фактов или групп фактов [20, с. 173].

Дополнительно поясним, почему считается невозможным отождествлять научное и познание в российском уголовном процессе. Теории научного познания изучают процесс, связанный с формированием теорий, конструированием и изменением понятий. Согласно П. В. Алексееву, исследование познавательных процедур и операций, критериев и способов образования абстракций, осуществляемых в научной деятельности, представляют для теории познания исключительный интерес [21, с. 203].

Так чем же завершается познание в российском уголовном процессе? Сформированной теорией, сконструированным или измененным понятием? Полагаем, что нет. Завершается оно установлением наличия или отсутствия обстоятельств ст. 73 УПК РФ⁶. Проблема, соответственно, состоит в том, как достигнуть цели доказывания (ст. 73 УПК РФ), а не в том, как создать или изменить теорию или понятие. Тем более, некоторые необходимые понятия уже закреплены в Уголовном кодексе Российской Федерации и УПК РФ, при этом они регулярно пополняются и уточняются посредством научной и законодательной деятельности, правовых позиций Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ. Показанное отличие познания в российском уголовном процессе и научного познания по целям не единственное.

Известно, что в ходе правоприменения, которым в том числе является и доказывание, устанавливаются факты, однако понятие о них не тождественно понятию научного и научно-исторического факта. В. А. Ушаков замечает, что научный факт занимает пограничное эмпирико-теоретическое положение, т. е. он одновременно является и представителем самой реальности, и частью теоретической системы [12, с. 140]. По мнению Р. Дж. Коллингвуда, научно-исторический факт — это «концептуализированный факт..., высвеченный изнутри исторической теорией» [22, с. 197]. Описанную теоретическую нагруженность научных и научно-исторических фактов сложно приписать тому, что устанавливаются в ходе уголовно-

⁶ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 23 дек. 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1, ч. I. Ст. 61; № 14. Ст. 1908; № 18. Ст. 2515; № 28. Ст. 4559; Российская газета. 2016. 23 дек.

процессуального познания. Если через процедуру описания научный факт встраивается в теоретическую систему, то в ходе уголовно-правовой квалификации (схожей с процедурой описания) установленные факты приобретают «правовую» нагруженность.

Тем не менее обозначенное различие между фактами научного познания и уголовно-процессуального доказывания проводят не все. Так, А. А. Кухта руководствуется знанием о фактах именно научного познания: «Рассмотрение факта в свете постнеклассической методологии не означает противопоставления такого образа тому пониманию этого феномена, которое было характерно предыдущим этапам развития науки... Мы, таким образом, продолжим трактовать факт в процессе, в развитии; важно взять этот феномен в становлении: от получения эмпирических данных наблюдения или эксперимента — и до включения в систему уголовно-процессуального знания» [11, с. 69–70]. Этот отрывок ярко показывает, что положения научного познания всецело переносятся на уголовно-процессуальное. Соглашаясь с самой идеей заимствования, но не с ее реализацией, обозначим собственное понимание факта в уголовном процессе.

Проведение аналогии между научным и уголовно-процессуальным познанием позволяет, кроме того, установить недостаточность характеристики результата последнего только как знания об обстоятельствах ст. 73 УПК РФ. Требуется указание на форму этого знания, выступающей, исходя из проводимой аналогии, подобием теории объяснительного типа, позволяющей в дальнейшем делать прогнозы (например, при назначении конкретного вида и размера наказания). Постепенно субъект доказывания, начиная с версии, переходит к формированию объяснительной конструкции об определенном событии прошлого. Момент ее сформированности связывается, например, с принятием решений о прекращении уголовного дела или уголовного преследования, о составлении обвинительного заключения или акта, постановлении приговора. Строение ее, если смотреть системно, представлено уровнями информационных, логических доказательств и обстоятельств ст. 73 УПК РФ. Факт здесь устанавливается через выявление связей между обстоятельствами, подлежащими доказыванию, завершает объяснительную конструкцию.

В заключение еще раз необходимо подчеркнуть важность поиска и доказательства того, к какому познанию приближается по-

знание в уголовном процессе, поскольку это влияет на выбор положений, с полным или частичным использованием которых станет понятным доказывание и будет реформировано отечественное уголовное судопроизводство. Ведь если уголовный процесс более всего походит на научное познание, то его институты в нормативном и судостроительном срезе должны создавать необходимые и достаточные условия для принятия и реализации должностными лицами решений (начальных, промежуточных, окончательных и т. д.), характерных для успешного научного и, дополнительно, исторического познания события прошлого.

Таким образом, можно говорить о нетождественности научного и познания в российском уголовном процессе, но максимальной приближенности последнего к первому, и об описанном следствии из этого приближения. Из всего изложенного выводится второй критерий анализа гносеологий: преимущество в рассмотрении отдается теориям познания, содержащим правила и техники ведения именно научного познания.

Следовательно, показав необходимость философского заимствования и установив его границы, далее с учетом обозначенных критериев (методологичность и нацеленность уголовно-процессуального доказывания, максимально приближенного к научному, на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ) возможно оценить конкретные гносеологии.

При исследовании были проанализированы центральные положения мистицизма [23; 24], трансцендентального идеализма [25], неокантианства Марбургской [26; 27] и Баденской школ [14; 28], теорий познания Э. Гуссерля [29], В. Шуппе [30; 31], Р. Авенариуса [32], Л. Нельсона [33; с. 68], Р. Эйслера [34], Р. Г. Лотце [35], идеализма начала и середины XX в. [17, с. 35–93], американского критического реализма [17, с. 137–266; 36], английского реализма [17, с. 167–205], интуитивистских [17, с. 245–257; 37] и организмических теорий [17, с. 258–279; 38, с. 28–52], аналитической философии [17, с. 363–620; 39] и прагматизма [17, с. 281–361; 40]. Однако в этих положениях не говорилось о правилах ведения познавательной деятельности. Такой исход предсказуем, поскольку перечисленные системы не отвечали на вопрос о том, как надо познавать. Например, наукословие И. Г. Фихте подводит его к вопросу: «как такое знание (просто знание. — Прим. К. С.) может существовать, и что поэтому есть оно в своей внутренней и простой сущ-

ности» [41, с. 129]. Пригодная же для российского уголовного процесса гносеология, как было выяснено, должна отвечать на вопрос о том, как надо познавать, а не только пояснять, что есть познание и как оно возможно. Для должностных лиц (дознавателя, следователя, прокурора, судьи) знание о событии прошлого важно не само по себе как элемент «мира идей», а как нечто необходимое для разрешения проблем, возникающих в обществе в связи с наличием преступности. Сообразно сказанному, остановимся на философских системах инструментализма как ветви прагматизма⁷ и диалектике.

Как пишет Т. И. Хилл для представителя прагматизма Дж. Дьюи: «...познание выражается прежде всего не в проявлениях действительности, а в орудиях преобразования неудовлетворительных ситуаций в удовлетворительные. На этом основании в число орудий познания включаются не только такие материальные орудия, как микроскопы и весы, но и такие интеллектуальные орудия, как значения, понятия, термины, высказывания и суждения» [17, с. 312]. Приведенный отрывок позволяет понять взгляд инструментализма на познание (уголовно-процессуальное доказывание).

В силу показанной практической направленности инструментализма у некоторых может возникнуть идея перенять «лучшее» из него и из диалектики и получившееся смешение переложить в уголовно-процессуальную деятельность, подобное нежелательно. Как уже отмечалось уголовно-процессуальное доказывание максимально приближено к научному познанию. В ходе доказательственной деятельности дознаватель, следователь, прокурор и судья принимают и реализуют различные решения, направленные на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ, таким образом, положения теории принятия решений применяются в познавательной деятельности⁸. Результаты же рассмотрения

⁷ Т. Хилл поясняет: «Инструменталистский подход к проблеме познания, которому в основном посвящена эта глава, является, как и эмпирический прагматизм Джемса, прагматистским в том широком смысле, что он занимается главным образом не отношениями познающего и познаваемого, а проблемой обоснования знания и что он подходит к этой проблеме в основном с точки зрения успешного приспособления» [17, с. 304].

⁸ Рассуждая в похожем русле, Ю. Козелецкий поясняет: «...применение достижений теории решений важно при разработке отдельными учеными конкретных исследовательских проблем. Научный работник, который выбирает проблему, выдвигает гипотезу относительно ее решения, проверяет эту гипотезу, — принимает ряд микрорешений, от которых зависит эффективность исследовательской работы» [42, с. 423–424].

российского уголовного процесса через инструментализм придут в противоречие со сказанным. Получится, что следователь принимает решение не для того, чтобы познать, а познает, чтобы принять решение и преобразовать неудовлетворительную ситуацию в удовлетворительную. Инструменталистский подход по-иному относится к познанию: оно ставится в подчинение решению как инструмент, следовательно, решение выходит на передний план, и центральными становятся понятия неудовлетворительных и проблемных, неопределенных и нерешенных ситуаций. В результате отодвигается на второй план понятие уголовно-процессуального доказывания, но оно не может подчиняться решению, а конструкция решения должна встраиваться в модель познавательной деятельности. В силу сказанного, выбирается диалектическая теория познания без ее соединения с инструментализмом.

Дополняя основания выбора, укажем, что диалектическая гносеология ценна своим законом перехода количественных изменений в качественные, обнаруживаемом и при уголовно-процессуальном познании. С. В. Корнакова также замечает, что «накопление доказательств идет до определенного предела, после которого количество доказательств меняет их качество, поскольку для каждого рода явлений, согласно объективному и всеобщему диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные, характерна определенная шкала интенсивности изменений...» [43, с. 108]. Однако необходимо пойти дальше и связать указанный диалектический закон с формально-логическим законом достаточного основания, что позволит в дальнейших исследованиях прийти к следующим результатам:

- выделить в уголовно-процессуальном доказывании формально-логическую и диалектико-логическую стороны;
- показать взаимодействие указанных сторон через понятие достаточности, закрепленное в ст. 88 УПК РФ, с образованием видов достаточности;
- уточнить механизм доказывания, связав достаточность с вероятностью, практической и полной достоверностью;
- сделать вывод о том, что если достаточность есть результирующее от взаимодействия законов двух логик, то должностные лица в целях установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ обязаны руководствоваться принципами диалектической логики и правилами формальной логики.

Предполагаемые положительные следствия от использования диалектической теории познания, отвечающие требованиям методологичности и нацеленности уголовно-процессуального доказывания,

максимально приближенного к научному, на установление обстоятельств ст. 73 УПК РФ, позволяют выбрать именно ее в качестве гносеологии российского уголовного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров А. С. К вопросу о новой теории уголовно-процессуального доказывания / А. С. Александров, В. В. Терехин // Вестник Самарского юридического института. — 2015. — № 1 (15). — С. 9–18.
2. Александров А. С. Пять тезисов из манифеста критических правовых исследований русского уголовно-процессуального права / А. С. Александров, В. В. Терехин // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5, Юриспруденция. — 2015. — № 1. — С. 8–14.
3. Барабаш А. С. Метод российского уголовного процесса / А. С. Барабаш, А. А. Брестер. — СПб. : Юрид. центр-Пресс, 2013. — 218 с.
4. Якимович Ю. К. Доказательство и доказывание в уголовном процессе России : учеб. пособие / Ю. К. Якимович. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 2015. — 80 с.
5. Россинский С. Б. Механизм формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский. — М. : Проспект, 2015. — 208 с.
6. Дорохов В. Я. Марксистско-ленинская гносеология — основа теории доказательств / В. Я. Дорохов // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. — 2-е изд. — М. : Юрид. лит., 1973. — 736 с.
7. Берман Я. А. Диалектика в свете современной теории познания / Я. Берман. — М. : Моск. кн. изд-во, 1908. — 240 с.
8. Печников Г. А. О значении материалистической диалектики как истинно научного метода познания и объективной истины / Г. А. Печников, А. П. Блинков, И. В. Казначей // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2015. — № 1 (32). — С. 115–119.
9. Печников Г. А. Формальная или диалектическая логика должна определять уголовный процесс? / Г. А. Печников // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2013. — № 1 (24). — С. 143–148.
10. Асмус В. Ф. Логика : учебник / В. Ф. Асмус. — М. : Редактура УРСС, 1947. — 388 с.
11. Кухта А. А. Доказывание истины в уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А. А. Кухта. — Н. Новгород, 2010. — 660 с.
12. История и философия науки [Электронный ресурс] : хрестоматия / сост. В. А. Устюгов. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2013. — Режим доступа: <https://e.sfu-kras.ru/course/view.php?id=1502>.
13. Барабаш А. С. Соотношение понятий «объект» и «предмет» познания и использование их при описании уголовно-процессуальной деятельности (тезисы) / А. С. Барабаш // Юридическая наука и юридическое образование в России на рубеже веков: состояние, проблемы, перспективы : материалы регион. науч.-практ. конф. — Тюмень : Изд-во Тюм. гос. ун-та, 2001. — Ч. 3. — С. 41–45.
14. Риккерт Г. Два пути теории познания / Г. Риккерт // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 7 : Теория познания II. — С. 1–79.
15. Гаджиев Г. А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности) : монография / Г. А. Гаджиев. — М. : Норма : Инфра-М, 2013. — 320 с.
16. Боруленков Ю. П. Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) : монография / Ю. П. Боруленков ; под ред. В. Н. Карташова. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 392 с.
17. Хилл Т. И. Современные теории познания / Т. И. Хилл ; под ред. Б. Э. Быховского. — М. : Прогресс, 1965 — 533 с.
18. Спиркин А. Г. Философия / А. Г. Спиркин. — М. : Гардарики, 2006. — 736 с.
19. Vogler Richard. A World View of Criminal Justice / Richard Vogler. — Aldershot, Hants ; Burlington, VT : Ashgate cop., 2005. — 330 p. — (International and Comparative Criminal Justice Series).
20. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / И. Я. Фойницкий. — 3-е изд., пересм. и доп. — СПб. : Сенат. тип., 1910. — Т. 2. — 573 с.
21. Алексеев П. В. Философия : учебник / П. В. Алексеев, А. В. Панин. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : ТК Велби : Проспект, 2005. — 608 с.
22. Чурсанова И. А. Категориальное поле исторической науки: философский анализ / И. А. Чурсанова // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Философия. — 2013. — № 1. — С. 191–202.
23. Лосский Н. Недостатки гносеологии Бергсона и влияние их на его метафизику / Н. Лосский // Вопросы философии и психологии. — 1913. — № 3 (118). — С. 224–235.
24. Радлов Э. Л. Мистицизм в современной философии / Э. Л. Радлов // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 5 : Теория познания II. — С. 35–63.
25. Наторп П. Кант и Марбургская школа / П. Наторп // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 5 : Теория познания II. — С. 93–132.
26. Никулина О. В. Марбургская школа неокантианства: Г. Коген, П. Наторп, Э. Кассирер, Н. Гартман / О. В. Никулина // Вестник Нижневартского государственного университета. — 2008. — № 2. — С. 76–80.

27. Сеземан В. Е. Теоретическая философия Марбургской школы / В. Е. Сеземан // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 5 : Теория познания II. — С. 1–34.
28. Соловьева Н. С. Философия как метафизика: И. Кант и Баденская школа неокантианства : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.03 / Н. С. Соловьева. — Нижневартовск, 2010. — 178 с.
29. Яковенко Б. В. Философия Эд. Гуссерля / Б. В. Яковенко // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 3 : Теория познания I. — С. 74–146.
30. Яковенко Б. В. Философия Вильгельма Шуппе / Б. В. Яковенко // Вопросы философии и психологии. — 1913. — № 3 (118). — С. 175–223.
31. Лосский Н. Имманентная философия В. Шуппе / Н. Лосский // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 3 : Теория познания I. — С. 1–39.
32. Викторов Д. Психологические и философские воззрения Рихарда Авенариуса / Д. Викторов // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 3 : Теория познания I. — С. 40–74.
33. Нельсон Л. Невозможность теории познания / Л. Нельсон // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 5 : Теория познания II. — С. 64–92.
34. Эйслер Р. Сознание и бытие / Р. Эйслер // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 5 : Теория познания II. — С. 133–148.
35. Райнов Т. Гносеология Лотце / Т. Райнов // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — 1913. — Вып. 7 : Теория познания III. — С. 80–114.
36. Гончарова Н. А. Критический реализм и современная философия науки / Н. А. Гончаров // Известия Томского политехнического университета. — 2009. — № 6. — С. 89–92.
37. Бешкарева И. Ю. Проблема интуиции в гносеологии (на материале философии С. Л. Франка) : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / И. Ю. Бешкарева. — Киров, 2011. — 146 с.
38. Бушуева Т. С. Философия науки А. Н. Уайтхеда : монография / Т. С. Бушуева. — Екатеринбург : Банк культур. информ., 2006. — 96 с.
39. Оботурова Н. С. Концептуализация идей нетрадиционной теории познания в аналитической философии Д. Дэвидсона и Х. Патнэма / Н. С. Оботурова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2011. — № 2. — С. 64–68.
40. Франк С. Прагматизм как гносеологическое учение / С. Франк // Новые идеи в философии : сборник / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1913. — Вып. 7 : Теория познания III. — С. 115–157.
41. Фихте И. Г. Наукословие в его общих чертах / И. Г. Фихте // Новые идеи в философии / под ред. Н. О. Лосского, Э. Л. Радлова. — СПб. : Образование, 1914. — Вып. 12 : К истории теории познания I. — С. 128–145.
42. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений / Ю. Козелецкий. — М. : Прогресс, 1979. — 504 с.
43. Корнакова С. В. Логика уголовно-процессуального доказывания / С. В. Корнакова // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2014. — № 2 (28). — С. 103–109.

REFERENCES

1. Aleksandrov A. S., Terekhin V. V. To the question about the new theory of criminal procedure proving. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 1 (15), pp. 9–18. (In Russian).
2. Aleksandrov A. S., Terekhin V. V. Five theses from the manifesto of critical legal research of the Russian criminal procedure law. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5, Yurisprudentsiya = Scientific Journal of Volgograd State University. Jurisprudence*, 2015, no. 1, pp. 8–14. (In Russian).
3. Barabash A. S., Brester A. A. *Metod rossiiskogo ugovnogo protsessa* [Method of the Russian Criminal Procedure]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr-Press, 2013. 218 p.
4. Yakimovich Yu. K. *Dokazatel'stvo i dokazyvanie v ugovnom protsesse Rossii* [Evidence and Proof in Russian Criminal Procedure]. Tomsk State University Publ., 2015. 80 p.
5. Rossinskii S. B. *Mekhanizm formirovaniya rezul'tatov «neverbal'nykh» sledstvennykh i sudebnykh deistvii v ugovnom sudoproizvodstve* [Mechanism of making results of «Nonverbal» Investigative and Courtroom Activities in Criminal Procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 208 p.
6. Dorokhov V. Ya. Marxist-Leninist gnoseology — the basis of the proof theory. In Zhogin N. V. (ed.). *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom protsesse* [Proof Theory in Soviet Criminal Procedure]. 2nd ed. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1973. 736 p. (In Russian).
7. Berman Ya. A. *Dialektika v svete sovremennoi teorii poznaniia* [Dialectics in the Light of the Modern Cognitive Theory]. Moscow, Moskovskoe Knigoizdatel'stvo Publ., 1908. 240 p.
8. Pechnikov G. A., Blinkov A. P., Kaznachei I. V. About the meaning of the materialistic dialectics as a truly scientific method of cognition and objective truth. *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2015, no. 1 (32), pp. 115–119. (In Russian).
9. Pechnikov G. A. Should formal of dialectic logic determine the criminal procedure? *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii = Bulletin of Volgograd Academy of the Russian Internal Affairs Ministry*, 2013, no. 1 (24), pp. 143–148. (In Russian).
10. Asmus V. F. *Logika* [Logic]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1947. 388 p.

11. Kukhta A. A. *Dokazyvanie istiny v ugovnom protsesse. Dokt. Diss.* [Proving the Truth in Criminal Procedure. Doct. Diss.]. Nizhni Novgorod, 2010. 660 p.
12. Ustyugov V. A. (ed.). *Istoriya i filosofiya nauki* [History and Philosophy of Science]. Krasnoyarsk, Siberian Federal University Publ., 2013. Available at: <https://e.sfu-kras.ru/course/view.php?id=1502>. (In Russian).
13. Barabash A. S. Correlation of the notions of «subject» and «object» of cognition and their use when describing criminal procedure activities (talking points). *Yuridicheskaya nauka i yuridicheskoe obrazovanie v Rossii na rubezhe vekov: sostoyanie, problemy, perspektivy. Materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Legal Science and Legal Education in Russia at the Turn of the Century: Condition, Problems, Prospects. Materials of Regional Research Conference]. Tyumen State University Publ., 2001, pr. 3, pp. 41–45. (In Russian).
14. Rikkert G. Two ways of the cognition theory. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 7, pp. 1–79. (In Russian).
15. Gadzhiev G. A. *Ontologiya prava: (kriticheskoe issledovanie yuridicheskogo kontsepta deistvitel'nosti)* [Ontology of Law: Critical Study of the Legal Concept of Reality] Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2013. 320 p.
16. Borulenkov Yu. P.; Kartashov V. N. (ed.). *Yuridicheskoe poznanie (nekotorye metodologicheskie, teoreticheskie i prakseologicheskie aspekty)* [Juridical Cognition (Some Methodological, Theoretical and Praxeological Aspects)]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2014. 392 p.
17. Khill T. I., Bykhovskii B. E. (ed.). *Sovremennye teorii poznaniya* [Modern Theories of Cognition]. Moscow, Progress Publ., 1965. 533 p.
18. Spirkin A. G. *Filosofiya* [Philosophy]. Moscow, Gardariki Publ., 2006. 736 p.
19. Vogler Richard. *A World View of Criminal Justice*. Aldershot, Hants; Burlington, VT, Ashgate, cop., 2005. 330 p.
20. Foinitskii I. Ya. *Kurs ugovnogo sudoproizvodstva* [The Course of Criminal Court Proceedings]. 3rd ed. Saint Petersburg, Senatskaya Tipografiya Publ., 1910. Vol. 2. 573 p.
21. Alekseev P. V., Panin A. V. *Filosofiya* [Philosophy]. 3rd ed. Moscow, TK Velbi Publ., Prospekt Publ., 2005. 608 p.
22. Chursanova I. A. Categorical field of historical science: the philosophical analysis. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya = Proceedings of Voronezh State University. Series Philosophy*, 2013, no. 1, pp. 191–202. (In Russian).
23. Losskii N. Drawbacks of Bergsonian gnoseology and their influence on his metaphysics. *Voprosy filosofii i psikhologii = The Issues of Philosophy and Psychology*, 1913, no. 3 (118), pp. 224–235. (In Russian).
24. Radlov E. L. Mysticism in modern philosophy. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 5, pp. 35–63. (In Russian).
25. Natorp P. Kant and the Marburg School. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 5, pp. 93–132. (In Russian).
26. Nikulina O. V. The Marburg School of Neo-Kantianism: Hermann Cohen, Paul Natorp, Ernst Cassirer, Nicolai Hartman. *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, 2008, no. 2, pp. 76–80. (In Russian).
27. Sezeman V. E. Theoretical philosophy of Marburg School. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 5, pp. 1–34. (In Russian).
28. Solov'eva N. S. *Filosofiya kak metafizika: I. Kant i Badenskaya shkola neokantianstva. Kand. Diss.* [Philosophy as Metaphysics: Immanuel Kant and the Baden School of Neo-Kantianism. Cand. Diss.]. Nizhnevartovsk, 2010. 178 p.
29. Yakovenko B. V. Philosophy of Edmund Husserl. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 3, pp. 74–146. (In Russian).
30. Yakovenko B. V. Philosophy of Wilhelm Schuppe. *Voprosy filosofii i psikhologii = Issues of Philosophy and Psychology*, 1913, no. 3 (118), pp. 175–223. (In Russian).
31. Losskii N. Immanent philosophy of Wilhelm Schuppe. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 3, pp. 1–39. (In Russian).
32. Viktorov D. Psychological and philosophical views of Richard Avenarius. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 3, pp. 40–74. (In Russian).
33. Nel'son L. Impossibility of the cognition theory. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 5, pp. 64–92. (In Russian).
34. Eisler R. The thinking and the being. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 5, pp. 133–148. (In Russian).
35. Rainov T. Gnoseology of Rudolf Lotze. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 7, pp. 80–114. (In Russian).
36. Goncharova N. A. Critical realism and the modern philosophy of science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2009, no. 6, pp. 89–92. (In Russian).
37. Beshkareva I. Yu. *Problema intuitsii v gnoseologii (na materiale filosofii S. L. Franka). Kand. Diss.* [The Issue of Intuition in Gnoseology (A Case Study of Philosophy of Semyon L. Frank). Cand. Diss.]. Kirov, 2011. 146 p.
38. Bushueva T. S. *Filosofiya nauki A. N. Uaitkheda* [Philosophy of Science of Alfred North Whitehead]. Yekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii Publ., 2006. 96 p.
39. Oboturova N. S. Conceptualisation of ideas of non-traditional cognitive theory in the analytic philosophy of David Davidson and Hilary Putnam. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova = Vestnik of Nekrasov Kostroma State University*, 2011, no. 2, pp. 64–68. (In Russian).
40. Frank S. Pragmatism as a gnoseological doctrine. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1913, iss. 7, pp. 115–157. (In Russian).

41. Fikhte I. G. Doctrine of science in broad outline. In Losskii N. O., Radlov E. L. (eds). *Novye idei v filosofii* [New Ideas in Philosophy]. Saint Petersburg, Obrazovanie Publ., 1914, iss. 12, pp. 128–145. (In Russian).

42. Kozeletskii Yu. *Psikhologicheskaya teoriya reshenii* [Psychological Decision Theory]. Moscow, Progress Publ., 1979. 504 p.

43. Kornakova S. V. The logic of criminal procedure proving. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel' naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2014, no. 2 (28), pp. 103–109. (In Russian).

Информация об авторе

Скоблик Константин Владимирович — ассистент, кафедра уголовного процесса и криминалистики, Сибирский федеральный университет, 660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6, e-mail: 8923362@gmail.com.

Author

Konstantin V. Skoblik — Lecturer, Department of the Criminal Procedure and Criminalistics, Siberian Federal University, 6 Maerchak St., Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation, e-mail: 8923362@gmail.com.

Библиографическое описание статьи

Скоблик К. В. Гносеология российского уголовного процесса и критерии ее выбора / К. В. Скоблик // Известия Байкальского государственного университета. — 2017. — Т. 27, № 2. — С. 246–256. — DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).246-256.

Reference to article

Skoblik K. V. Gnoseology of the Russian criminal procedure and criteria of its choice. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2017, vol. 27, no. 2, pp. 246–256. DOI: 10.17150/2500-2759.2017.27(2).246-256. (In Russian).